

Роман СОЛОДОВ

Леди
ОКСАНА

Роман Солодов

Леди
ОКСАНА

БОСТОН • 2023 • BOSTON

РОМАН СОЛОДОВ *Леди Оксана. роман*

Редактор: Юлия Тимошенко

ROMAN SOLODOV *Lady Oksana. Novel*

Edited by Yulia Timoshenko

Copyright © 2022 by Roman Solodov

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1950319954

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

✉ mgraphics.books@gmail.com

🌐 www.mgraphics-books.com

In collaboration with BAGRIY & COMPANY | CHICAGO, IL

✉ printbookru@gmail.com

🌐 www.bagriycompany.com

Book Design by M•GRAPHICS © 2022

Cover Design by Larisa Studinskaya © 2022

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка ВАИ™ (www.batov.ru)

Printed in the United States of America

 освящается женщинам

*Автор выражает благодарность брату Сергею,
друзьям Владимиру Попову и Давиду Гаю.
Их советы и критика, порой весьма жесткая,
помогли избежать множества погрешностей
в процессе создания романа.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Часть первая. ДЕРЕВНЯ</i>	1
<i>Часть вторая. ГОРОД</i>	103
<i>Часть третья. ВОЙНА</i>	283
<i>Часть четвертая. ОТЕЦ</i>	423

Часть первая ДЕРЕВНЯ

1

«Тиха украинская ночь», — писал классик в благословенные для России времена. Не было восстаний и сопровождающих эти бунты обязательных погромов. Достаточно было капитану-исправнику послать свою фуражку, и крестьяне покорно шли в указанные им места осваивать пустующие земли. Никто не делал трагедии из их послушания и не покушался на фундамент российского здания — самодержавие. Всё казалось незыблемым, логичным, и веяло самым спокойствием, простиравшимся над великой страной. Окраинные войны с басурманами, кавказский вопрос, военные вмешательства в мелкие дела маленькой Европы никак не влияли на жизнь колосса. Да и зачем думать всерьёз о крутых переменах, не говоря уже об изменении строя, после виктории над великим корсиканцем. Победы не торопят перемены. Страна долго упивалась этим торжеством и незаметно, постепенно довела себя до состояния застоялости. Только через сорок лет встряхнула её крымская катастрофа. Но на Украине и тогда были тихи изумрудные куйнджиевские ночи. С ними она вошла в проклятый XX век.

Он начался через семнадцать лет после календарного. Октябрьским переворотом. Поначалу почти незаметное происшествие в Петрограде — крапинке на карте мира — оказалось точкой отсчёта нового времени. С неё, как со старта, человечество ринулось по дороге, ведущей в царство дьявола, в ад несбывшихся надежд, предательств на международном уровне, беспримерных жестокостей расового и классового геноцидов, рецидива религиозных войн, казалось бы, оставших-

ся в прошлых столетиях, невиданного доселе материального расслоения стран и народов, их населяющих, фантастических и в то же время опасных достижений науки, способных превратить жизнь всего живого навечно... С наступлением этого века и закончились тихие ночи не только над Днепром, но и над всей Украиной.

Закончились они и над Бердичевом, сравнительно молодым и маленьком городе, но попавшим окольно даже в мировую историю литературы благодаря французу. Ни один из его биографов не может пропустить того факта, что он женился там на своей возлюбленной и описал город в путевых заметках как *«средоточие, переполненное евреями, совершенно запрудившими улицы. При виде Бердичева даже спрашиваешь себя, находится ли кто-нибудь в этих домиках, из которых каждый может быть унесён без труда тремя парижскими рассыльными. Толпа была столь густа, что мой экипаж, запряжённый шестёркой лошадей, несмотря на дикие крики моего возницы, с трудом продвигался вперёд...»* Сразу же после венчания в костёле Святой Варвары он уехал с женой на свою родину и умер счастливым через год, ибо женой была женщина его мечты. Звали француза Оноре де Бальзак. Ничем больше город в благословенные времена не отличился. Свадьбу гениального писателя он даже не заметил. В общем, город как город. Таких подавляющее большинство на этой планете. Историю его можно не описывать. Но как факт надо отметить, что в Гражданскую войну Бердичев четырнадцать раз переходил из рук в руки. Его занимали немцы, петлюровцы, деникинцы, большевики, галичане, поляки, банды Тютюника и Маруси, и шальной «ничей» девятый полк — так они себя называли. Разными были их цели, задачи, идеи, но у всех, кроме немцев, было одно общее. В этой общности они не отличались друг от друга, разве что размахом зверств. Общность называлась «бей жидов».

Ксении Петровне Ткачук, в дальнейшем просто Ксения, молада ещё для отчества, не нравился этот город. Да и что там могло понравиться? В отличие от опрятных сельских хат в его окрестностях с их по-украински обильными садами, в массе даже новых домов Бердичева преобладал серый колорит. На окраинах же и в районе рынка стояли всё те же лачуги времён бальзаковской свадьбы. Город, конечно, изменился с той поры, особенно в его центральной части и по берегу реки Глилопятки. Но каменной набережной в городе по-прежне-

му не было. Хаты в этой части города исчезли, их заменили особняки, двух-трёхэтажные дома местной буржуазии, и, как и раньше, возвышался собор над этим беспорядочным скоплением, а старая крепость по-прежнему нависала над берегом реки.

Ксения наезжала в город по хозяйственной нужде и торговым делам — продавала плоды, выращенные ею на своём участке, куриные яйца, курятину, утятину — головы глупым птицам рубила сама, сама же ощипывала тушки. И за книгами.

К ним её приохотил Бекешев Дмитрий Платонович, офицер из Ставки Главкома Южного фронта. Он возник в её жизни как бы случайно, пробыл с ней коротко и навсегда исчез, оставив ей на память будущего ребёнка, изменив её отношение к жизни и заодно ознакомив её с вожделием, этим синонимом плотской любви, важной составляющей человеческого бытия. Она узнала, что это такое, только после офицера.

Был у неё муж, был кратковременный сожитель после его гибели, но только после офицера она осознала, что ни один из них как будто и не существовал в её жизни. До потери Петра, исчезнувшего где-то на окраине огромной страны вместе с другими десятками тысяч, её жизнь простой деревенской бабы ничем не отличалась от жизней миллионов других крестьянок. Счастья в семье не было из-за отсутствия страсти друг к другу. Не сумел её супруг разбудить дремавшую в ней женщину. Вся любовь его была короткой, наспех, с мгновенным засыпанием после...

По деревенским же понятиям Ксения жила за ним как у Христа за пазухой. Он был оборотистый мужик, природным чутьём знающий, как извлечь наибольшую выгоду из любой работы или сделки. Он и деньги давал в рост, но не зарывался, зачастую входил в положение должника, потому ненависти к нему, и к ней тоже, в селе не было. В деревенской молве их семья не числилась кулацкой. Но по меркам односельчан они жили, можно сказать, припеваючи.

Деревня, кстати, была не бедной. Близость города, даже такого, как Бердичев, сказывалась положительно на повседневной жизни сельчан. Им было что предложить горожанам. Обрато они везли не только необходимые в хозяйстве мануфактуру и инструменты, но стали позволять себе такую роскошь, как граммофоны и даже порошок какао. Ксения не отставала от односельчан — плоды её трудов всегда находили спрос.

Быка-производителя она продала, не имея ни сил, ни желания справляться с ним в одиночку. Помог ей в этом всё тот же офицер. Он, к её удивлению, назвал даже примерную цену её быку и не дал покупателям обмануть её. По его словам, он знал об этом потому, что его брат-помещик занимался хозяйством семьи по-настоящему, и делился с ним своим опытом. У Дмитрия Платоныча в правое ухо входило, из левого вылетало, но что-то всё равно зацеплялось. Он даже породы быков кое-как различал. Но не было это его делом. Просто что-то запомнил со слов брата. И щедр он был несказанно. На прощанье, как бы между прочим, подарил ей двести рублей двумя «катеньками». Хотела отказаться, даже пыталась обидеться — дескать, за кого он её принимает, но Дмитрий Платоныч только рассмеялся.

— Ксюша, ты даже не представляешь, какая пропасть между нами в богатстве. Я село твоё могу скупить, как раньше дворяне скупали друг у друга. Вспомни того же Дубровского. Для меня эти деньги... Бери, бери... Пригодятся. Поменяй на империялы. Золото будет в цене при любом строе. Николая-то уже нет. Навсегда, кстати. А монеты с его физией всё в той же цене. Неизменен этот металл, и страсть к нему у людей неизменна. Бери!

Она не взяла никаких денег. Ей достаточно было роскошной шали, что он подарил, вернувшись из отпуска. Заперла сокровище в сундуке, вынимала крайне редко, когда ходила на деревенские посиделки. Не хотела зависти. По этой же причине не делилась своим новоприобретённым опытом по выращиванию овощей. Не потому, что боялась конкуренции — она слова такого не знала, но потому что не хотела прослыть слишком грамотной. Белой вороне приходится нелегко в любой стае.

Но он всё равно сделал, как хотел. В последнюю ночь, когда она, вымотанная до изнеможения непрерывной и всеобразной близостью, счастливо уснула, он ушёл тихо под утро, как и всегда уходил из её дома. Редко даже завтракал с ней — скорее, скорее в город, на свою штабную службу. Но были дни... Обычно она вставала вместе с ним — две коровы требовали удою без выходных. А летом в это же время по улице неторопливо двигалось на выпас деревенское стадо. Но в этот раз Ксения поздно проснулась и сразу же углядела эти две «катеринки», лежащие под зеркалом на комодке. Она никогда больше не видела Бекешева.

С его подачи она поняла, что книги — это не просто бумага с буквами внутри, но «источник знаний», как выразился один из классиков. Потому к художественной литературе прикупила пару брошюр по выращиванию овощей, картофеля и фруктов. По их прочтении она перепланировала свой участок таким образом, чтобы он на протяжении всего летнего сезона приносил пользу. О фруктовых деревьях и говорить нечего — вся деревня утопала в садах, и те же вишни, яблони, груши и сливы с исправным постоянством одаряли своих хозяев. Успевай только собирать. Ксения успевала, ибо пацаны за тот же пятиалтынный за утро набирали корзины спелых плодов. Доставить их в город на телеге, запряжённой хорошей кобылой, было делом отработанной годами техники. Два раза в неделю совершала она такие поездки, включая воскресенье. Ярмарочный день был обязательным. Он, можно сказать, кормил её целую неделю, и даже позволял откладывать впрок. Остальные дни, не разгибаясь, с утра до вечера пахала как бельгийская лошадь в доме, на участке, сенокосе... И всё равно — не очень-то справлялась. Мужских сильных рук не хватало. А где их было взять, если в селе свободных мужиков практически не осталось — война подмела работников.

Первое время после ухода мужа в армию семья Петра не оставляла её одну. Если нужна была помощь, крепкие мужские руки, отказа не знала. У мужа была хорошая семья, жили дружно, её приняли хорошо, но всё проходит со временем, кончилась и близость с его семьёй. Не по её вине — свёкор повёл себя не так. Обычное дело, когда сноха остаётся вдовой, а свёкор ещё мужчина в самом соку при стареющей жене. Свекровь приревновала, пожаловалась сыновьям... Молодые парни, срок в армию ещё не вышел, поговорили с Ксенией, она не стала спорить с мужиками — бесполезно. Начинаешь оправдываться, делаешь только хуже, когда предубеждение уже созрело. «Если нужна будет помощь, звать теперь буду кого-либо из вас. Придёте?». Парни молча кивнули.

А через пару месяцев старший из них, Митяй, попытался изнасиловать её в сарае. Напал сзади, опрокинул на землю лицом в грязь, часто дыша, начал задирать на ней юбку... Откуда-то вдруг в ней проснулась совсем неженская сила. Она не стала тратить её на бесполезный визг. Сумела не только перевернуться, но и стряхнула его с себя... Вскочила на ноги. А он, ещё ничего не поняв, находясь на земле, схватил её за

подол юбки, потянул было на себя, но его момент был упущен. Она подалась вперёд, нагнулась над ним и ударила кулаком по лицу. Кулачек был не мужской, но костяшками пальцев она ударила больно. Митяй выпустил юбку, а женщина рванулась не к выходу, но к стене, где стояли вилы. Он всё понял ещё до того, как она схватила их. Промедление было смерти подобно. Вовремя успел вылететь из сарая и остановился только, пробежав с пол-улицы. Ксения не выскочила за ним, ей было достаточно, что Митяй исчез с её глаз. Стояла посередине сарая, вытирала лицо подолом юбки. Первая попытка мужчины овладеть ею силой не удалась. Но осознала, что впереди у неё будут годы и годы вдовьей доли. Не каждый раз ей будет выпадать такая удача, чтобы насильником выступал в одиночку молодой неопытный парень. Заплакала.

2

Как-то раз в городе перекрыли улицу. По ней она добиралась до рынка. Пришлось ехать в обход через еврейский квартал. И там она увидела книжную лавку. Сразу запало, что надо зайти. И не отложила в долгий ящик. Со временем стала заходить в книжный магазинчик, как к себе домой. Хозяин приметил её, полюбил, как любит продавец хорошего покупателя, никогда не выходящего из лавки с пустыми руками. По мере того, как Ксения тяжелела утробой, её стали интересоваться книги, связанные с беременностью, уходом за ребёнком... Есть ли вообще такие книги? Должны быть! Уж если есть романы про господскую жизнь и про жизнь простых крестьян — до чего ж страшна книга этого Бунина «Деревня», совсем непохожая на его рассказы о любви господ, то кто-то из акушеров уж, наверное, написал, как надо себя вести при беременности и родах. И хозяин, еврей средних лет, вошёл в её положение: заказал в Киеве пару познавательных брошюр по вопросам акушерства. Она оказалась первой покупательницей книг такого рода. Все местные жительницы обходились акушерками или даже без них. Помирали родами, но ведь не все же. Рос город, прирастал населением.

Со времён Бальзака количество людей на улицах поуменьшилось. Третий год страшной войны не прошёл бесследно. Революция весенняя на повседневной жизни города не ска-

залась. Каких-то генералов заперли было в каталажку под горячую руку, но выпустили. Ничто не предвещало катастрофы. Только немногие понимали, что дело не закончится либеральным Временным правительством, и потому надо уносить ноги пока не поздно. Самые умные это поняли после первых же погромов уже в конце прошлого века и побежали в Америку. За ними последовали те, кто ещё не потерял голову от глотка свободы, и уехали до Бердичевских погромов. Хозяина магазина к таким умным причислить было нельзя. Он никуда не собирался. Кому надо грабить небольшую книжную лавку?

А через год с небольшим после ухода немцев и прихода петлюровцев его бороду подожгли погромщики, сделав факел из вырванных страниц. Пламя спалило его глаза. За дверью были слышны крики его жены и двух дочурок, насилуемых стадом, и гогот скотов. Слабым утешением послужит тот факт, что долго не прожил ни один. Сгорели в огне Гражданской войны, как и огромное большинство насильников.

Он выложил перед ней две тоненькие книжечки и назвал цену. Она была больше стоимости сытинских книжек. К его удивлению, Ксения вытащила из-за пазухи кошелек и протянула хозяйину сторублёвку. У неё была мелочь — только что с базара пришла, наторговав разной зелени и пять куриных тушек на приличную сумму. Тушки были хороши на загляденье. Никто из покупателей не тыкал в них брезгливо пальцем и не спрашивал: «почём твои синенькие?» Хозяйка продавала птицу. Товар!

— У тебя, что, других денег нет? — не скрыл удивления хозяин. — Откуда такое богатство? Только не говори мне, что на овощах и фруктах сколотила.

— Офицерик подарили за удовольствие, — соскоморошничала Ксения, даже не подозревая, насколько она оказалась близка к истине.

— За удовольствие такие деньги не дарят, — наставительно сказал хозяин. — Или он знал, что ты... — хозяин кивнул на живот женщины. — Отделался таким макарон. Небось, из богатеньких. Для простого офицера катка...

— Не знал, — категорически отмела эту возможность Ксения.

Её глаза сузились, ибо вспомнила она, как подошла к ней повитуха Параскевна — старая женщина лет сорока. Опытная в своём деле. Вся женская половина деревни прошла через её

руки по разным причинам. Кто помощи при родах хотел, кто избавления... Никому не отказывала, никого не отговаривала — не её это дело.

— Ну что? Будешь избавляться? — безошибочно определила она состояние Ксении. Ничего ещё не было видно, тем более под бесформенной одеждой крестьянки. — Затравят ить... дитё-то не от мужика, чай от дворянчика...

— Рожать стану, позову, — мгновенно ответила Ксения. И добавила: — Заплачу.

— У тебя-то, и задарма? И не надейся. А вот через годик, мужика ежели себе не отыщешь, погляжу, под какой крышей спать с дитём будешь... — усмехнулась повитуха и пошла себе дальше вдоль плетня.

— А я работника найму, — вслед повитухе бросила Ксения.

«Вот он и станет твоим е..рем», — усмехнулась про себя Параскевна.

— Не знал, — неверно истолковал взгляд Ксении хозяин. — Да ты не таковских. Что я, твою кобылу не вижу на улице? То же жерёбая, как и ты? А ей сколько жеребец подарил за удовольствие? Офицерский небось?

Ксения важно кивнула. Её лицо светилось от счастья.

— А империялами можете? Золото хочу за «катыку». Офицер посоветовал.

Хозяин долго рассматривал её, решая, можно ли вести дело с этой крестьянкой. Потом всё же, решил, что ей можно поверить. Он с удовольствием наблюдал за благотворными переменами в самой её сути, в её речах, и понимал, что это влияние литературы. Редкий случай, когда в человеке меняется буквально всё, начиная от одежды — раньше приходила мешок мешком, ничего женского. Сейчас перед ним стояла красивая женщина, даже одетая, почти как городская. Да и смешно требовать от неё городского шика — она на рынок торговать приезжает. За прилавком стоит. Но уже отличается от таких же, как и она, торговок прежде всего аккуратностью в одежде. Правда, с распухающим животом, но это сама природа, какие могут быть претензии. А как стала говорить. Раньше только и слышал «кубыть» да «могёте», — а теперь появилась нормальная русская речь. Он удивлялся только одному — быстроте перемен. Меньше полугода она к нему ходит. Это ж сколько заложено в этой женщине, что она так быстро изменилась.

В том, что «офицерик» не обучал её манерам, хозяин не сомневался. Он наверняка просто «справлял удовольствие», на большее его вряд ли хватало. Хотя, кто его знает. В его лавку заходили самые разные, когда в городе находился штаб Юго-западного фронта. Большинство из них были вполне грамотными, и их можно было назвать даже интеллигентными людьми. Может, и ей такой попался? Ведь наверняка не сама дошла до жизни такой.

— А откуда у тебя любовь к книгам? — решил выяснить хозяин. Вопросом двигало любопытство. — Не в школе ж вдолбили. Школа-то есть?

— Да я не из этого села родом. Муж, царствие ему небесное, из глубинки привёз. У нас там церковно-приходская, как и полагается. Буквы в слова и цифирь складывать обучили, да ещё закон Божий... Вот и вся учёба. Дальше букваря не пошла. А офицерик другое показали. Первые книги они мне принесли. «Почитай, Ксюша, почитай, — заговорила Ксения басом. — Интересно тебе будет. Подскажу, ежели что... Вот и дошла до жизни такой, что без книг скучно. А всё офицерик виноваты.

— Да говори ты по-человечески, — сморщился хозяин. — Хватит ёрничать.

— Не буду. Так как с каткой? — посерьёзнела Ксения.

— Будут тебе червонцы, — хозяин взял сторублёвку, самым простым способом проверил её на наличие водяных знаков — просветил дневным оконным светом, и положил на прилавок. — Обожди меня.

Он пошёл было к задней двери, но Ксения его остановила:

— Хозяин! Деньги-то забери. Неровен час кто-то не тот войдёт. Защищать не стану. Деньги-то уже не мои.

— А мне, значит, доверяешь? — улыбнулся хозяин, забирая купюру. Удивился себе, что оставил на прилавке такие деньги. Эта женщина настолько вызывала доверие к себе, что он забыл об элементарных правилах.

— Доверяю, — серьёзно ответила она. — А как без доверия?

— А так. В деньгах доверия нет. Только взаимный интерес.

— Ну, это у вас, у рабинов. Вижу я ваших на базаре. За грош готовы удавиться. С вашими бабами торговаться — хуже нет. Да и мужики не лучше. Потому вас не очень-то и любят.

— Только поэтому? — сощурился хозяин. Ему нравилось, что эта женщина при всей её нелюбви к его нации не скатывается к прямым оскорблениям. Пока что ей это удаётся. Но лучше

не продолжать, чтобы не разочароваться в ней. Он уже пожалел, что задал этот вопрос. Но женщина оказалась умнее, чем он думал.

Она только рукой махнула:

— Неси, давай. Мне ещё до дома добираться.

— По курсу меняю, — он вернулся и выложил перед ней блестящие кружочки с изображением Николая Второго. — Не боишься одна-то? Время-то не царское. Непокойно на дорогах.

— Да мы в группу за мостом собираемся. С ней и доеду, — она положила монеты в кошелёк. — Сколько всего за книжки?

— Не в сыгинской библиотеке напечатаны, — предупредил он её. — Я уже сказал, эти книги не копейки стоят. За акушерскую и про беременность по рублю семьдесят с доставкой. Сумму сама сложишь. Сложила? Покупать будешь?

Ксения молча выложила монеты, и хозяин смёл её деньги в ящик прилавка.

— А туда, всё же, не клади кошель, — он постучал пальцем по своей груди. — Полезут в первую голову.

— Знаю, — усмехнулась она и деловито спросила: — Где у тебя удобства? Посетить надо.

— Удобства во дворе. Пойдём, покажу, — хозяин пошёл к боковой двери.

Закрыв за собой дверь будки, Ксения достала из кармана мизерный кошелёк, купленный специально для этой цели, и чистую солдатскую обмотку, переложила все золотники, завернула подол юбки и как можно выше приложила кошелёк к внутренней стороне бедра под трусы, привычными движениями примотала кошелёк, закрепила и опустила юбку. «Овощной» кошелёк положила в свою сумку. Огляделась. Всё было чисто, стопка газетной бумаги аккуратно нарезана, дырка отхожего места закрыта плотно прижатой крышкой. Подумала, что у себя тоже надо будет сделать такую же, чтобы не несло поганым из отверстия. Подумала не без зависти, что даже в этом месте евреи лучше многих устраиваются. Когда вышла наружу, то хозяина уже не было, он деликатно ушёл в дом. А она увидела рукомойник совсем рядом и удовлетворённо кивнула. У неё в саду стоял такой же и тоже совсем неподалёку. «Офицерик» подсказал.

Тоска накрыла, ибо вспомнила до осязательности чётко, глаза не надо закрывать. Вот он весь, его руки, лицо, тело... всё!..

И желание, желание!.. Плеснула на лицо холодной водой. Так больше нельзя, надо что-то делать, она с ума сойдёт. Нужен мужик! Себе-то что врать. Дмитрия Платоныча — даже в памяти она звала его по имени-отчеству, всё равно никто не заменит, но его больше нет! И скорее всего, никогда уже не появится. А она молода, ей ещё жить и жить! А ведь это он, проклятый, разбудил в ней охочую до мужиков бабу. Нет, нет, не проклятый ни в коем случае, любимый... Два месяца с ним она вспоминала теперь, как время какого-то непрерывного счастья, когда она утром просыпалась, зная наперёд, что вечером он появится, услышит она топот копыт возле её ворот, выбежит открывать их, и он заведёт коня во двор. А если он не появлялся, она всё равно была спокойна и счастлива только одним лишь ожиданием. Начальство опять отослало его по служебным делам. Но он всё равно придёт, ведь он сказал ей, что не исчезнет, не оповестив. Она будет знать наперёд, чтобы не мучилась напрасным ожиданием.

Это был один из последних вечеров, когда они были вместе. Утомлённые любовью, расслабленно лежали на кровати. Постепенно туманилось сознание, она понимала, что сейчас уснёт, и потому потеряет возможность любить его ещё раз. Но природа брала своё — засыпала. Услышала его негромкую речь, и сон исчез, ибо сказанное им показалось странным. Но пройти мимо его слов она не могла. Ведь он говорил о ней, о её будущей судьбе, даже о том, что её ждёт, когда он исчезнет из её жизни.

— Я сделал из тебя женщину, Ксюша. До меня ты ею не была. Ты не знала даже, что такое земная, плотская любовь. Да ты ничего об этом не знала, как и большинство из нас. Мне повезло в этом отношении — через меня прошли разные московские штучки, научившие меня этому искусству. Есть и такие в русских селеньях.

Как ни хотелось ей спать, Ксения невольно прыснула, услышав, как её Дмитрий Платоныч толкует Некрасова. Она уже ознакомилась с творчеством крестьянского поэта.

— А я тебя обучил по цепочке. Не жалею об этом, да и ты не жалеешь. Когда знаешь, как любить, это много интересней. Но есть одна вещь. О ней ты пока что не задумывалась. Твой бывший, царствие ему небесное, тебя не только не мог обучить чему-то в постели, но и женщину в тебе не разбудил. Не знал, не мог -сути не меняет. Но сегодня ты уже не та Ксения, к ко-

торой я пришёл в первый раз. Ты женщина. И, как у всякой нормальной женщины, у тебя появятся потребности. Ты станешь вождельть мужчину. Ты понимаешь, о чём я?

— Да мне кроме вас никто и не нужен, — залепетала она.

— Дура, — сказал он и даже поднял руку, как будто ударить хотел. Но она знала, что это чистая игра. Он никогда её не ударит. Не тот он мужик, чтобы бить.

— Я ж не про сегодня. У тебя ещё годы и годы впереди. Так и станешь жить, что кроме меня никто не нужен? Я уезжаю скоро. Навсегда. По секрету говорю — смотри, не проболтайся, — он усмехнулся.

— Ой! Да как можно.

— Тебе-то можно. С тобой и останется, — усмехнулся он и посерьёзнул. — И женщина в тебе теперь останется. Ты поняла, о чём я?

— Поняла, — также серьёзно ответила она.

— Ничего ты не поняла. Мужика будешь хотеть, крутить тебя наизнанку будет.

— И что делать?

— А вот и то делать, что не давать первому попавшемуся. А за ним и второму, и третьему... Если не полюбишь никого, просто найди одного. И держись за него. Не гуляй... Иначе знаешь, во что превратят?

— В гулящую.

— Хуже. В нужник, куда каждый будет ходить нужду справлять.

3

«Н

адо что-то делать», думала она, когда подъезжала к своим воротам. Открыла ворота, завела лошадь с телегой. Дом встретил её тёмными окнами. Никто не ждал. Стала разгружать пустые корзины, думая о том, как будет жить дальше. Как устоять, когда желание мужика подступает чуть ли не к горлу. Понимала, что в её положении у неё нет большой свободы выбора. Нельзя прийти на те же деревенские посиделки и увести мужика. Открыто, нагло... Кому какое дело... Мужик-то может так поступить. А женщине нельзя, заклюют, вслед не только кричать станут, кусок грязи, а то и камень бросят! С этим неравенством сделать ничего

нельзя, так уж повелось веками. Сегодня стало посвободней, но это благодаря войне. Вот уж кому война, а кому мать родна. Одинока она, одинока... У таких, как она, своя опасность. Хищники среди мужиков никогда не переводились. Горе одинокой женщине, что попадетсЯ такому или группе живоготов.

Проблема безопасности одиноких женщин в деревне решалась, можно сказать, одинаково или однообразно — их насиловали. А кто заступится за одинокую? Кому она пойдёт жаловаться, если позор ложится на её голову в первую очередь — сама виновата — не блюла себя. Сама повод дала, нечего было юбкой трясти.

А уж когда наступали лихие времена, то насилие в деревнях было массовым. Приходила в село банда голодных самцов. И совсем необязательно это была банда какой-либо Маруси, атамана Тютюника... Это мог быть партизанский отряд красных, казачья сотня белых или петлюровцев... Особой разницы между ними не было. Вдовы, жёны, дочери, матери, малолетки... озверелым бандитам было всё едино. Мужики — мужья, отцы изгонялись из дома и ждали, когда насытятся завоеватели. А если заступались за честь женщины, их убивали здесь же. И насиловали в очередь, с извращениями... Историки и писатели стыдливо обходили эту страшную страницу в истории гражданских войн. Вообще всех войн! Как клубничку упоминали массовые изнасилования монахинь. Авторы позволяли разыграть воображению читателя. Вот, мол, распинали на алтарях этих дев!.. А в остальных местах как будто и не было насилия. А оно было! Практически всегда и везде, на любом континенте... В Европе редко вырезались захваченные города, но массовые насилия над женщинами совершались всегда. Не стала феноменом и Украина во времена гражданской войны. Не было исключением и село Ксении.

Не просить же Параскевну добыть ей хахалю, думала она, сидя за ужином. Мысли о предположительном любовнике всё чаще посещали её. Вспоминала слова Бекешева, что желание мужчины обязательно придёт. Против природы не попрёшь. Первое время, после его окончательного исчезновения, она ни в ком не нуждалась. А потом появились мысли... Знай она, что он вернётся, ждала бы, как ждут верные жёны своих мужей с фронта. Но он ушёл навсегда. Потому, когда её природа стала требовать своего, не было моральных сил сопротивляться зову плоти. На что можно было опереться? На стыд? На

ту же мораль? Да она слова такого не знала. Видела, как ведут себя её товарки по несчастью — вдовы гуляли почти не скрываясь, солдаты блюли приличия для видимости, но тоже уступали мужским домогательствам без особого сопротивления. Да и как не уступать, если спишь в одном доме в большой семье, где под одной крышей спать ложатся несколько семей, и воочию видишь, либо слышишь, что происходит на той же печи. «Обчество» входило в положение таких женщин. Особого осуждения при рождении нагульных не было — прижила и прижала... Ксению не осуждали за офицера. Крики баб у колодца «сиськи-то распустила!» были вызваны прежде всего завистью к её физическому счастью. Она не притворялась — пусть завидуют. В общем, крестьянки легко относились к «этому» делу.

Однажды на базаре её соседка по торговому ряду в открытую попросила Ксению присмотреть за товаром, пока она отойдёт по нужде. Ксения согласилась, и сразу увидела, по какой нужде отошла соседка, когда заметила, что к ней почти сразу приклеился мужчина из городских, только что торговавшийся с ней. Через полчаса та вернулась и, сказав «спасибо», подмигнула Ксении.

— Могу и тебе устроить такое же счастье, — предложила она. — С двойной прибылью будешь. Мужика своево только порадуешь. Мой, так, спокойно к этому...

— Да я вдовая, — неосторожно сказала Ксения.

— Ой! Да тебе сам бог велел. Давай, давай, сведу... — загорелась соседка. — На такой-то товар, — соседка повела рукой сверху вниз, — покупатель всегда найдётся.

Ксения не нашлась с ответом. Только отрицательно помотала головой. Как-то не вдохновил её пример соседки. Она встречала в городе бывших сельчанок — почти каждая из них промышляла своим телом, и особого раскаяния или стыда она в их глазах не видела. Но её что-то останавливало. Брезгливость, что ли, к нечистоплотности таких отношений. А спроси её, да тот же исследователь деревенских нравов той эпохи, почему? Не смогла бы ответить. Не нашла бы нужных слов.

Уже в начале лета, пока живот ещё не выступал наружу настолько, чтобы каждому было видно, в каком состоянии она пребывает, и потому слухи о её положении ещё не разползлись по деревне, Ксения ушла с посиделок, сыграв в переглядки с сыном старосты, Михаилом. Они хорошо знали друг друга.

Молодому мужчине было больше двадцати пяти, он вернулся с фронта без половины ладони, но во всём остальном казался нормальным мужиком. Они быстро нашли друг друга в темноте и без долгих разговоров пошли к ней домой. Оба знали, что им надо. Это была её первая «измена» Бекешеву.

Когда лампа осветила комнату, он огляделся и увидел полку с сытинскими книгами. Воззрился на Ксению.

— Это что? Книги, что ль?

— А то ты книг не видел.

— Может, скажешь, читала всё это?

— Прочитала, — она достала из шкафчика полную бутылку самогона и две рюмки.

— Ты рюмку-то себе оставь. Стаканы-то есть? — с ударением на последнюю букву спросил он. — Самогонка-то чья будет?

— Параскевны. Найдём и стаканы, — ударение на последнем слове было поставлено правильно. Вернула рюмку на место и взяла стакан с полки.

— погоди, не пей. Закуску принесу.

Выпили. Закусили наспех... Торопились приступить к главному. Он полез с поцелуем, она ответила. К разочарованию женщины её язык столкнулся со стеной плотно стиснутых зубов.

— Ты чёй-то? Мне не язык твой нужен. Начиталась, небось... Давай-ка лучше юбку сыму, — он полез под подол и одновременно навалился на Ксению, телом толкая её к кровати.

— погоди, Миша. Чего ты торопишься? Я ж не сбегу, — она мягко отвела его руку. — Я тебя тоже хочу, но прежде давай поиграем...

— Да чё там играть. Чай, сюда не играть пришли...

— Как скажешь, — уступила она, поняв, что Миша не умеет по-господски. Не знает он правил обращения с женщиной, не учили его. Для него вся игра сводится к торопливому задиранию юбки любовницы и скорейшему получению доступа к её телу.

Он оказался из породы мужиков, считающих, что одинокая женщина должна быть счастлива уже тем, что он возлёт с ней на ложе. Ксения даже не стала изображать страсть. Ту самую страсть, охватывающую её во время близости. С Бекешевым ей не надо было притворяться, он воспринимал как должное все её порывы, когда тело женщины вне зависимости от её разума отвечает любовному напору мужчины. А сейчас она боя-

лась проявить своё естество, и потому контролировала себя, осознав, что этот мужик поймёт всё неверно, посчитает её за гулящую, лишённую всяческого стыда. Потому никаких игр не было. Всё вылилось в скучное и потому безрадостное из-за отсутствия чувств соитие.

Он слез с кровати и пошёл наружу. Дверь не прикрыл плотно, и она услышала, как он обильно мочится прямо с крыльца. Сразу вспомнила своего мужа — он тоже поливал землю сразу за дверь. Просила его отойти, всё было без толку. Этот такой же. Когда Михаил вернулся, сказала:

— Мог бы и отойти.

— А-а! К утру всё высохнет, — равнодушно ответил он и продолжил без паузы. — Ну чё? Давай ещё, — это не было просьбой или даже вопросом. Владелец требовал своего.

— Давай, — Ксения стиснула зубы. Радости уже не ожидала. Но для здоровья полезно. Она вычитала в брошюре, что беременным соитие на пользу. Лежать же, придавленной его телом, не хотела.

— Ты, Миша, ложись на спину, — остановила она его. — И мне легче будет, я ж, как-никак, в положении.

— Ты брюхата? — он даже отшатнулся. — а я думал, у тебя живот такой. Да как же можно? Фу...

— Не можно, Миша, нужно. Ты не знал? Так знай наперёд. Женишься когда, брюхатой жене в ласке не отказывай. Иначе зазря страдать будет. За науку спасибо скажи. И ложись-ка, давай, на спину, — она легонько толкнула его в грудь.

— Ты...ты... — он подчинился. Про себя решил, что никогда с этой женщиной судьбы не свяжет. Ксения нравилась ему, да и по благобытию своему была не последней бабой на селе. Покойник много ей оставил. Он видел её офицера и понимал, что при штабс-капитане у него, бывшего унтера, да ещё покалеченного, нет никаких надежд обратить на себя её внимание. Офицер исчез, оставил её с прибытком, но по её глазам Михаил видел, что нет у неё никакого раскаяния в грехе. Ходят по деревне, не опуская глаз своих срамных. Вот уж, в самом деле, стыда-то совсем нет. О! Как она оседлала...

Михаил давно уснул, а к ней сон не шёл. Ксения думала о своём будущем и не видела никакого светлого пятна впереди. Мрак будущей нищеты — никакая женщина не в силах справиться с домашним хозяйством без помощи пары-другой крепких мужских рук. Оставленные Бекешевым деньги

казались сейчас просто копейками, способными поддержать её на плаву полгода, а потом... Мать-одиночка в деревне обречена если не на нищету, то уж на постоянную бедность во всех случаях. Да, пока что всё есть. Пятистенка с хорошей крышей, за домом ухоженный участок, лошадь с будущим жеребчиком, две коровы, овцы, кур несчитанное количество. Не то, чтобы много, просто не подчитывала их. Гуси, индейки... Всё продать? Уехать в город, как уже некоторые уехали? И что в городе? Встречала она односельчанок, да и баб из других сёл... по-всякому устраивались. Кому в прислуги попасть повезло — эти по улицам ходили форсисто, а кто и под фонарём простаивал, кого при гостинице для господ держали. А что она может предложить городу, если на руках ребёнок будет? Тем более безмужняя... Нет, город это крайний случай, когда совсем припрёт. Сегодня она живёт, есть и деньги, есть и силы, пока ещё способна заработать копейку... Будет думать, как в селе выжить. Думать будет, думать... С этими мыслями она уснула.

4

— **У**то ты мне подсунула? — Михаил в знак раздражения швырнул на стол тоненькую книжку рассказов Тургенева. — Зачем он утопил Муму? Не мог просто взять её подмышку и уйти к себе в деревню? Плохой рассказ.

Ксения с восторгом глядела на своего сожителя. Не одну неделю она уговаривала его хоть что-то почитать. Мужик прилепился к ней, зубы стал разжимать при поцелуях, оставил мысли расстаться с этой женщиной. Нет, нет! Никакого разговора о женитьбе и речь не могла идти. Против воли семьи он не пойдёт. Доля примака не для него. Да и какая у неё семья — нет же никого. Все её родные из далёкой деревни, откуда её Пётр привёз. Но каждый раз, уходя от неё на ночь в дом родителей, он понимал, что всё равно вернётся к этой колдунье. Приворожила она его, что ли? После ночных жарких объятий он понимал каждый раз, что такого ещё не испытывал. Опять было что-то новое... Он забывал даже, что она беременна. Все его предыдущие бабы — их было мало, казались ему теперь холодными и скучными. А эта ведьма умела его распалить. Иногда хотелось даже ударить её, показать, кто

хозяин в постели... Мелькали мыслишки. Но гасил он такие порывы, в глубине души понимая, что таким изъяснением мужского превосходства всё испортит. Да, как мужик он сильнее, потому он нужен ей не только в качестве сожителя. Мужские руки, даже не совсем полноценные, как у него, в хозяйстве всегда нужны. Вместе они справляются, одна она не потянула бы. Благодарность от неё? Никакой. За должное принимает. Но и обид с её стороны он не видел. Кормит хорошо, умеет варить тот же мясной суп. Редкость это, но случается и такое. И когда разливает, то кусок мяса с мозговой косточкой всегда в его миске окажется. Себя обделяет. Делится прибытком с торговли в городе. Но пропорции он не знает, и где она деньги прячет тоже. Искать не пытался, не его это дело — не муж он ей, и деньги не его. А к торговому делу перестала подпускать его после первого же дня, когда он попробовал себя в качестве торговца.

— Добрый ты уж очень, Мишаня, — сказала она ему. — А за прилавком нельзя быть добрым. Прогоришь. Здесь копейку уступил, здесь алтын... Глядишь, вместо прибыли убыток. Так что оставайся-ка ты дома. Обоим выгода будет.

Всё, казалось бы, хорошо. Но подспудное ощущение, что Ксения выше его, лишало мужика счастья. Он вырос в семье, где слово отца было законом, он был в доме богом и царём. Если и промахивался, мать только вздыхала, но держала рот на замке. С Ксенией было не так. Если он был недоволен и молчал, она буквально заставляла его высказаться. И у самой не задерживалось. До скандала не доходило, ибо она научила его выслушивать противную сторону. И сама слушала. Когда он оказывался прав, соглашалась. Все как будто на равных.

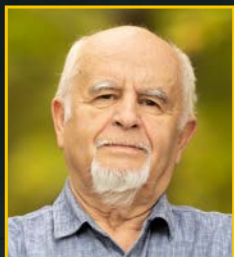
И всё же не мог Михаил избавиться от ощущения, что для неё он только работник. На особых правах — спит с ней, но всё равно... работник. И домашние его, порой, в глаза это ему говорили.

Мать спрашивала с издёвкой:

— Сколько она тебе положила, что ты её... утешаешь по ночам? Смотри, сынок, так окрутит тебя, на брюхатой женишься. Отцом убудка заставит признать.

И отец вносил свою лепту:

— Ты, Миша, определись, либо у неё, либо у нас... Живёшь раскорякой на два дома.

Роман Солодов родился во время войны. В школьные годы учился в суворовском училище, но был изгнан за строптивость. Трудовую деятельность начал слесарем-водопроводчиком. Поступил в МАИ, по окончании начал работать на п.я., затем перешел на Центральное телевидение. Там же впервые попробовал себя в литературном жанре — начал писать сценарии телевизионных передач.

В 1971 году поступил во ВГИК. Написал сценарии 40 научно-популярных короткометражных фильмов и двух художественных. Был принят в Союз Кинематографистов. Во времена перестройки написал сценарий полнометражного документального фильма о коллективизации «И ничего, живем».

В 1991 году, поняв окончательно, что в России ничего хорошего не будет, уехал в США, потеряв гражданство. В Америке начал писать статьи и выступать на «Радио Свобода». Получил медицинскую профессию. Проработал в госпитале двадцать лет технологом по радиоизотопной медицине. Писал прозу. Три романа опубликованы в России: «Россиянка Дженнифер», «Белая кость» и «Время откровений».

Новая книга «Леди Оксана» является продолжением романа «Белая кость».

«...Подведя детей к концу очереди, Ксения выстроила их в колонну по одному и приготовилась к долгому выстаиванию. Но не прошло и минуты как мужчина, за которым они встали, оглянулся, осмотрел очередь малышей и вдруг пошел вдоль нее, заняв место за последней девочкой, той самой, которую из лап насильника в свое время вырвала Ксения, пропустил их всех впереди себя. Стоящая рядом с ним женщина тоже, как и он оглядевшая очередь, присоединилась к нему, встав перед ним. Молодая семейная пара, стоявшая перед этой женщиной, пошла за старшими, своим примером указавшими этой паре, куда надо встать. На глазах у потрясенной Ксении вся очередь начала передвигаться так, чтобы малышня оказалась первой у армейской кухни. Боже мой, подумала она, два с половиной года бесчеловечной оккупации не выбили из нас человеческое. Мы остались людьми!...»

Роман Солодов. «Леди Оксана»